

**Героем в нашем
“Практическом журнале”
может оказаться один человек,
а может — целая школа.
Мы обещаем
достойных героев,
вглядеться в опыт
которых
есть достаточно оснований.**

Элла Щербаненко,
журналист

Общеобразовательная гимназия “Российская школа” родилась десять лет назад, когда многое умирало и мало что рождалось в нашей стране. Самой судьбой выбрано место ее жительства — город Королев — цитадель отечественной космонавтики: идея образовательного центра хорошо вписалась в этот высокий контекст.

Посвященные сравнивают Российскую школу с самым известным учебным заведением отечества — Царскосельским лицеем — не по сословным и материальным возможностям, а по главной характеристике — духу и устремленности. Тот знаменитый лицей готовил не профессионалов, а государственных людей, тех самых, которые нужны России. Учебный центр избрал ту же самую дорогу. Она не блистала смелым изобретательством. Здесь был избран нормальный столбовой российский путь — к человеку. С верой в него, с надеждой на пробуждение лучшего в каждом, и приступили к делу. Маршрут выбрали объемный и трудный: вперед к прошлому (к тому высокому и человечному, что было в нем) и к будущему (люди, работающие здесь, чувствительны к новым идеям).

Итак, семь слагаемых успеха Российской школы.

Директор, которая всегда улыбается

Свою школу Гусева видела во сне. Ей снилась уютная, семейная атмосфера, оберегающая мир детства, а не завод по “обработке” детей. Виделся не многоэтажный гигант на тысячу учеников, а маленький теплый дом, где замечают выражение лица ребенка, где все знают друг друга лично. Взрослые, которые не идут нудными “училками” к ребятам, они просто вместе. Ученики, спешащие не из школы, а в школу, потому что мир, выстроенный здесь, полностью соответствует их интересам. Дверь директорского кабинета открыта для детей всегда, а не только в “часы приема”, и урок встречи рассвета, котируемый ничуть не меньше, чем любой другой.

Но тогда до “сна в руку” было еще далеко. На дворе стоял 1991-й. Темнело. Моросил дождь, безнадежный, как это бывает под осень. Группа женщин явно строительного вида устало брела по направлению к станции. Они говорили как раз о таком светлом будущем и на раскисшей дороге звучало это как минимум странно: “В нашей школе все будет своим,

Все понемножку собиралось, складывалось, фартило, как это всегда происходит у тех, кто работает, а не просто ждет улыбки фортуны.

не импортным. Отечественная архитектура: дом, какой на Руси ставили и ставят. Российская педагогика: воспитание добром, а не ломка ребенка через колесо. Будет много родной литературы — с ударением на менталитете нации, а историю Руси начнем преподавать лишь только дети научатся читать. Даже запах у нашей школы будет родным — горячего хлеба, который станем печь сами. “Там русский дух, там Русью пахнет”, — это про нас. И вектор не идеологический — не к сияющим вершинам коммунизма или в объятия мировой демократии, а самый что ни на есть земной — к национальным истокам, корням, на матушку Землю”.

Даже сегодня этот здоровый маршрут воспитания человека в собственной стране воспринимается

многими как антитеза вхождения России в мировое цивилизованное пространство. А тогда, десять лет назад, расценивался не менее чем идеологическая диверсия. Когда в очередной раз ей, вчерашнему секретарю горкома партии, новые власти города отказали в возможности создавать именно такое учреждение, Гусева заявила: “Я не знаю, где будет наша Школа радости, может, в другом городе, но она обязательно будет!”

И пошла по людям. Просила любое помещение — старый клуб, пустующий магазин, любой пятачок, где можно только поставить ногу, остальное она сделает сама!

В счастливый июньский день раздался звонок: есть старенький заводской закрывающийся детский садик. Он и стал фундаментом новой школы. До начала уроков оставался месяц и четыре дня. На фундаменте занятий, понятно, не начнешь. Помещение надо было отремонтировать, перестроить, отыскать для этого деньги, материалы, руки. А осень стремительно приближалась. Иногда они даже ночевали в школе, конца-края работе не было видно. Причем не только строительной. Об идеях и технологиях доброго образования, человеческой учебы думали загодя. На старых газетных листах (такой был режим экономии) провели тестирование ребят: их цель — индивидуальная программа для каждого, в этой школе каждый ребенок должен получить максимум сообразно со своими стартовыми возможностями.

Все понемножку собиралось, складывалось, фартило, как это всегда происходит у тех, кто работает, а не просто ждет улыбки фортуны. Проблемы выстраивались по приоритетам в странной, лишь директору понятной логике. В один из первых дней поехали за камином. Конечно, с камина можно не начинать, а закончить. Но они решили сделать иначе. Потому что дети, однажды посидевшие у каминного огня, захотят возле него сидеть снова. Еще потому, что многие из ребят не знают, что такое горячая вода в доме. А также, когда не работает котельная, у камина можно просто погреться.

Школа росла. Ночью стелили линолеум, днем устраивали собеседования с учениками, число кото-

рых все прибывало. Впору было устраивать конкурс. Шли не только на известную в городе фамилию директора (которая и в райкоме партии умудрялась быть умным, отзывчивым человеком), но и на слово “Российская”, заложенное в имени школы. Что-то грело людей в этом имени. Тем, кто сомневался, Гусева отвечала, что школа — не русская, а российская. Это во-первых. Во-вторых, был и личностный аргумент. Между собой, шутя, ученики называют своего директора “Американовна” — по отчеству. Отчество не имеет отношения к Соединенным Штатам. Татьяна Адимирикановна Гусева по отцу кабардинка. В общем, не квасная русская патриотка.

Местные ребятишки, чувствуя дух добра и азарта, что царили на этой маленькой “стройке века”, понемногу стали прибиваться в помощники. Потянулись сюда за своими детьми и родители: кто картошки принесет, кто чаем напоит, кто поможет плотничать. А кто уже сюда на работу просится: предприятия вокруг одно за одним закрывались.

Но даже таким дружным братством достроить школу к 1 сентября не успели. Уроки начались параллельно с продолжающимися строительными работами. Мило, по-домашнему, как в малокомплектной сельской школе: одни классы занимают на веранде спинами друг к другу, другие прямо во дворе под рябинами. Бог явно помогал им, весь сентябрь стояла отличная погода. К первому октября достроили перегородки между помещениями и могли, наконец, учиться нормально.

Первый барьер был взят. Но школе — детям и взрослым — явно требовался “вдох”, глоток энергии, настроения, чтобы идти дальше. И реальное подтверждение тому, что здесь будет необыкновенная, красивая жизнь. В новую жизнь они поплыли на пароходе. День учителя было решено отметить на Волге, поездкой в хороший и не случайный город Углич. Все ученики от первого до десятого класса, все родители и учителя отправились в путешествие.

В этом речном детском царстве учителя впервые терялись, даже в самодеятельном концерте они выступали на равных. И еще. На этом пароходе вместе с обычными детьми ехали больные. Изначально в осно-

вание этой школы было заложено совместное обучение детей, больных ДЦП, и здоровых ребят. “Мало ли что у нас принято раздельное обучение, — горячилась Гусева. — Плохие традиции нужно ломать”.

Среди незнакомых примет — сразу же появились свои автобусы. “Мы живем, как в Америке, — рассказывают подростки, — нас туда и обратно, как белых людей, развозят”. В семь утра кружит по городу школьный автобус, собирает ребят по оптимальному маршруту. Затем в пять развозит обратно.

День такой долгий, потому что Российская школа — это не только математика, литература, химия, но и театральная эстетика, хор, бальные танцы, ансамбль народных инструментов, студия скульптуры и т.д. и т.п. Будто это даже не общеобразовательная школа, а специализированная художественная.

Художественное воспитание — также один из постулатов образовательной концепции. Учитель у них не для того чтобы всех на “пять” научить, а для того чтобы не пропустить, защитить будущего Моцарта. Они не хотели украсть у ребенка ни одного шанса. Еще даже здания своего не было у художественного лица, а художественное воспитание уже шло.

Детские сады все закрывались, и уже проторенной дорожкой открывала на их месте Российская школа сначала гимназию, потом предлицей, потом лицей, потом прогимназию и, наконец, культурно-реабилитационный комплекс. Школа помещается сегодня в пяти зданиях. Пять обыкновенных поселковых строений, такие заурядные извне, лишь откроешь дверь — поражают светом, цветом и непривычной для казенного места теплотой. Щебечут птички в клетках, все стены в ярких детских рисунках. Идти друг к другу ни далеко ни близко, но пока надо шагать из одного здания в другое, ребята погуляют, отвейтся. Потом, в гости всегда ходить приятно. Вместе и порознь — как хорошо! У каждого своя ниша. Маленькие защищены от обид старших, у старших малыши не путаются под ногами, у средних тоже свой темп. Защищенный мир детства, разновозрастная педагогика, по убеждению Гусевой, — это в том числе и территориальный вопрос.

Все без исключения, что задумывается и исполняется в Российской школе, имеет одну доминанту — ребенок! Для него здесь все, даже маленькие классы, еще и еще раз поделенные сообразно со способностями и возможностями учеников.

Маленькие классы, индивидуальное обучение, художественное воспитание, красивые поездки — все это стоит денег. Из источников “красивой” жизни Гусева секретов не делает. В 92-м они существовали только на деньги попечителей. С января 94-го Российская школа уже муниципальная нормальная городская, одна из многих.

Сверх обычных средств, которые есть у других учебных заведений, небольшую часть доплачивают

Все без исключения, что задумывается и исполняется в Российской школе, имеет одну доминанту — ребенок!

родители: половину за еду, половину за обучение. Они платили бы больше, если бы их дети занимались в кружках и художественных объединениях где-либо; 15 % дополнительных денег получает школа за авторские программы; еще 15 % доплачивают им за совместное обучение больных и здоровых детей. Далее, они научились правильно распределять средства: внешкольную работу сделали школьной, оплатив таким образом художественное воспитание детей, социальный педагог финансово — это воспитатель группы продленного дня. В общем, сложили все деньги, причитающиеся пятистам ученикам любой отечественной школы, и перераспределили соответственно с целесообразностью.

Идеологический работник Гусева хозяйствовать тогда не умела: просто шла от потребностей ребят и под них искала возможности. Она пришла в школу на новенького и не мудрствовала лукаво. “Бывает, — говорит она, — для воспитания всего-то и надо что первый снег, и по кругу, из класса в класс устная директорская директива: “Все на улицу!” Любоваться, молчать, смеяться, играть в снежки, читать стихи: я начну, а потом вы”.

Или, к примеру, спрашивают ее: зачем к фирменным ручкам, бейсболкам заказывать фирменные пакеты с гербом Российской школы? “Затем, — отвечает Татьяна Адимирикановна, — что несмотря на обожаемые рюкзаки дети обязательно несут в руках пакеты, разноцветные и разномастные, на которых “убойные” красавицы и красавцы, смотреть на которых каждый день просто вредно. Пусть и пакеты будут достойные, раз отменить привычку невозможно”. Гусева из тех ландшафтников, кто рисует тропинку не там, где хорошо было бы по проекту, а там, где ее проложили пешеходы.

И еще Татьяна Адимирикановна уверена: школа радости начинается с улыбки директора. Улыбка Гусевой, как улыбка Джоконды. Не к тому, что так же прекрасна, а к тому, что столь же неизменна. “Она всегда улыбается”, — среди первого, что рассказывают ученики о своем генеральном директоре. Это не просто воспитательный прием и не отблеск заложенного уже навсегда комсомольского задора. Это — мироощущение.

Итак, первым слагаемым феномена по имени Российская школа является личность ее генерального директора. И сколько бы ни спорили о роли личности в истории, ясно: без Татьяны Адимирикановны Гусевой истории у Российской школы вообще бы не было..

Дети любят школу, если школа любит детей

Школа как школа, урок как урок. И вдруг то тут, то там маленькими штрихами обозначается нетипичность, легкие приметы отличия этой школы от тысяч других. Как везде сутуловатые спины и уже коротковатые рукава пиджачков. Но пиджачки какие-то ладные (шились по заказу школы, а не закупались на оптовой базе) и изобретательно разноцветные. Светлые деревянные столы абсолютно чистые, без надписей и рисунков, как в собственном доме. Как в собственном доме детей называют только по имени — на уроках и после. Ученики отвечают кому как удобно, чаще сидя. Понадобилось ребенку выйти, не спрашивая, он встал, потом вернулся: зачем отвле-

кать общее внимание? Непринужденность общения на уроке бросается в глаза, здесь не просто один отвечает, а остальные слушают, тут, скорее, общий разговор, собеседование. Польза для ученика диалога с учителем и сверстником очевидна: дети тут не стесняются говорить, ошибаться. И в помине нет привычной школьной духоты, здесь натурально легче дышится. Впрочем, здесь легче дышится вообще.

В Российской школе много поразительного, — это строчки из сочинения одиннадцатиклассницы Аллы Ольша. — Когда я впервые пришла сюда, прежде всего меня поразили размеры школы. После бывшей пятиэтажки с колоннами, длинными коридорами и большими залами было странно себя ощущать в малюсеньком помещении с домашними шторами на окнах. Я находилась в недоумении: разве это школа? Мы привыкли чувствовать, что школа — это храм науки, здесь же все крайне одомашнено, если можно так сказать, максимально приближено к тебе. Здесь можно просто так поиграть на фортепиано без плачевных последствий — обвинения в поломке школьного имущества и вызова к директору. В нашей школе для ученика не существует слова “нет”, есть только “да” и “конечно”.

Что же сумели такое осуществить в этой школе? Ничего особенного, просто учителя умеют жить вместе с учениками. Не только жить, но и любить их, не только учить, но и понимать.

О любви чуть позже. Сначала о понимании. Нетрудно догадаться, скажем, что если взрослые в последнем десятилетии века растерялись от обилия событий, то подростки тем более. Нынешний первобытный капитализм не только против стариков, но и против детей, у них в генах социальная защищенность, а им говорят: “Выживай сам”. Поправка на переходный период не предусмотрена. Раньше во всех школах учителя занимались с детьми — слабыми и сильными — дополнительно, сегодня — мало где. Почти ностальгическая картина: учитель и ученик вдвоем в пустом классе..

Или еще ностальгическое видение: в этом учебном центре имеется своя самостоятельная детская организация. Пионерскую организацию отменили, но детство отменить нельзя: у подростков поч-

ти биологическая потребность в организации с ее ранжирами и играми, с первым опытом самостоятельности и самодеятельности. Именно потому и возникла в школе “конституированная” детская республика. Есть тут свой президент, свой кабинет министров: министр образования, министр культуры, министр спорта и т.п. Плюс к известным, чуть переименованным пионерским номинациям введены дополнительные структуры: Совет справедливых (взрослые и дети) и Совет старейшин (педагоги). Немало интересного и полезного делается в школе играючи. Первую учебу и первое планирование работы провели... ночью. Собрание с ночевкой в школе — это уже кое-что!

Многое педагогам надо сообразить и вспомнить. Все взрослые были когда-то детьми, но как быстро они про то забыли. О том, например, что в дружбе не бывает каникул, что очень жаль расставаться с одноклассниками, уезжая в летний лагерь. Пока там заведешь новых друзей, уже пора прощаться. Нет ничего лучше летнего отдыха с собственной школой: вычислить это не трудно, тяжело организовать. В Российской школе сумели сделать неперенной летнюю четверть, открыв свой лагерь неподалеку.

Хороший педагог поймет не только душу, но даже тело растущего человека. Небезразличные взрослые уже хорошо осознали: расти, взрослеть, становиться — это работа, труд. Бывает, даже сердце не поспевает за ростом организма — шутка ли? Ребенку то необходимо бегать, то вдруг ему требуется затаиться, помечтать. Попеременно то жажда действия, то покоя, то энергия, то апатия. Частые недомогания учеников не просто отговорка. Поэтому врач в Российской школе — человек из главных, а физиолог — неперенный консультант всех педагогических решений.

Доктор прописал подросткам, например, больше двигательных нагрузок и меньше учебных — соответственно в предлицее принято официальное решение о сокращении домашних заданий для ребят. Для учителя это означает поиск дополнительных методик для активизации урока. Для ученика, плот-

но поработавшего в школе, — большую домашнюю свободу, от которой даже самый целеустремленный школяр не откажется.

Здесь ведут ребенка из возраста в возраст, бережно передавая из рук в руки. Результаты не заставляют себя ждать. Хотя и на этот счет в этой школе особое понимание. К отметкам отношение

К отметкам отношение диалектическое: они так относительно, что не должны дамокловым мечом висеть над ребенком.

диалектическое: они так относительно, что не должны дамокловым мечом висеть над ребенком. Пятерка тут самая популярная отметка, иногда четверка, но крайне редко меньше — зачем ученику нужны лишние отрицательные эмоции?

Контроль, тем не менее, имеется: раз в полгода школьники сдают экзамены. Арбитрами, кроме собственных педагогов, приглашаются для объективности преподаватели из других школ, педвуза, социального института. И те, и другие, и третьи признают: учат в этой школе хорошо. Срабатывает система ежедневного опроса. Дают результаты интересные авторские программы, разработанные педагогами. Кроме того, здешние преподаватели хорошо осведомлены, что особо эффективно “учение с увлечением” и делают все, чтобы ребята учились заинтересованно. Пути для этого ищутся разные, к примеру, 8 Марта состоялся рыцарский турнир, посвященный нетрудно догадаться кому. Мальчики всех классов стали на этот вечер древними испанцами, шотландцами, викингами. Дискотека состоялась потом, в начале они танцевали танцы средневековья, читали баллады, соревновались в знании наук, обычаев тех лет, сами придумывали молитвы, гербы и многое другое. Для чего, заметим, перечитали множество книг и целенаправленно пересмотрели массу фильмов. Группа поддержки — девочки из своих классов — преуспели в знании церемоний и этикета. Такая история, такая литература, понятно, усваиваются много легче.

Высокая интеллектуальная планка в сочетании с добрым, не изнуряющим ребенка обучением дает хорошие результаты. Российская школа стабильно держит по успеваемости в городе четвертое место (первое среди обычных школ, но следующее после трех специальных). Медалистов тут тоже, кстати, нет. Однако именно сюда уже в начале будущего учебного года выстраивается очередь из желающих учиться. Многим привлекательна именно такая специализация учебного центра: воспитание человека — светлого, достойного, порядочного, любящего, энергичного. Впрочем, иерархию ценностей каждый выстраивает по-своему. В Российской школе приоритетом номер один назовут доброту.

На видном месте в предлицее всякий увидит “Кодекс школьной чести”. Под скучным названием вполне симпатичные призывы: “Будь добр! Будь честен! Будь заботлив!” — целая серия подобных “будь”. Но самое первое — “Будь добр!” — непривычная ценность в отечественном образовании.

Умение любить детей такими, какие они есть, чтобы от этой любви они становились лучше, — еще один штрих к портрету Российской школы. Здесь о ребенке никогда не скажут: “Он плохо учится”, тут

Здесь о ребенке никогда не скажут: “Он плохо учится”, тут говорят: “Ничего, что плохо учится, зато как старается”.

говорят: “Ничего, что плохо учится, зато как старается”. Или “зато всегда поможет товарищу”, или “у него просто дар общения”. Явно провинившегося тут поймут и оправдают, причем это не воспитательный прием, а проверенное опытом правило истинных педагогов: никогда не пора ставить диагноз ребенку. В ученике надо видеть его самого, а не серию дурных поступков. Есть добрый росточек, только этот росточек следует поливать, растить, выхаживать. То, что ученик плохо себя ведет, можно заметить, но можно и подождать!

Откуда подобная мудрость? Почему доброта? Потому что любовь! Именно в ее сопровождении те-

чет жизнь в Российской школе. Педагогику здесь рассматривают исключительно как искусство любви к детям. Тут давно отошли от главного педагогического порока — убеждения, что дети — только объект воспитания. Нет, дети — это живые жизни, и жизни замечательные, поэтому относиться к ним надо как к товарищам, уважать их права, первое из которых право на радость. Оно начинается для ребенка с его возможности оставаться собой, быть единственным, а не просто ноликом безликой суммы учащихся. В этой школе норма, что директор знает лично каждого ребенка, что учительница математики поет детям, как не поют многим сегодня даже мамы, что учитель истории приносит интересующимся собственные книги, а школьный повар детям священника в пост еду готовит отдельно.

Такие вот будни — ежедневно и ежечасно иллюстрирующие очевидное: если школа любит детей, дети любят школу; если в доме любовь, в нем хорошо, спокойно и созидательно живет. В заключение еще один поразивший автора штрих к портрету учебного центра: виза врача города на личном деле ученика, переходящего сюда из другой школы (подчеркнем, ребенка обычного, разве что с классической сегодняшней нервозностью и ослабленностью): “рекомендовать учебу в Российской школе”.

Российская школа как лекарство от времени — это само по себе немало стоит.

Учитель тоже человек

Еще одна характеристика этой школы: тут нет случайных людей, пришедших служить педагогике, что называется, по месту жительства. Взрослые, работающие тут, как и ребята, в основном приезжают на том же школьном автобусе из Пушкина, из Ивантеевки, некоторые даже из Москвы. Дальнюю дорогу не считают препятствием, потому что они нужны школе, а школа нужна им.

То, что идея подобного учебного центра принадлежит генеральному директору Гусевой — абсолютная правда. Но не вся правда сказана здесь. Истина в том, что педагоги пришли сюда одной

командой, стремящимися к единому берегу. Семейным одноклассникам Т. А. Гусевой и десяти ее коллегам по партии и комсомолу не надо было объяснять азы педагогики радости: столько раз уже об этом говорили. Время, потраченное в другом случае на притирку друг к другу, тут было потрачено на дело.

Такого рода протекционизм директору не только не кажется предвзвешенным, но, напротив, представляется оптимальным. Татьяна Адимирикановна знает сильные и слабые стороны каждого. Сложности в работе с близкими, разумеется, есть, но эти сложности вторичны. Никто из них никому не обязан: дело генерального директора было пригласить их, их выбор — сюда придти.

Причем неформалистка Гусева и тут решала вопросы неформально. Директором гимназии, например, она взяла не методиста, что было бы логично, а библиографа из райкома. Потому что добрее Любови Владимировны Охрименко директор не знает человека, а нежность, мягкость, доброта нужны малышам больше, чем строчка в дипломе.

Нетрадиционный, но очень сильный управленческий состав Российской школы именно так и складывался: курс на яркую точную личность. Педагогические технологии приложатся.

Для кого-то и поныне нонсенс: 20 % работников школы не педагоги. Но в учебном заведении своя логика: как и во всем есть тут свой плюс — такие люди не порчены педагогикой, у них нет изначальной стойки против ученика. А это первое, что школе радости необходимо.

Отбирают учителей тщательно, изначально оговорено: “до первого крика”.

Нетрадиционный, но очень сильный управленческий состав Российской школы именно так и складывался: курс на яркую точную личность.

Кто-то прошел конкурсный отбор еще на стройке. Некоторые учителя, уставшие от традиционной педагогики, попросились в Российскую школу

из других и принесли свои авторские программы, по которым об их создателях многое уже можно было понять. Услышав о хорошем неординарном человеке, школа отправлялась на поиски. Если его творческое кредо соответствовало концепции Российской школы, находили ему применение, помогали чем могли и не торопясь, с надеждой, ждали результатов.

И тем не менее, когда в учебном центре 146 педагогов, ясно, что “лакмусовой бумажки” хватило не на всех. Но это не беда. Потому что сообразно с религией, исповедуемой Российской школой, педаго-

Хорошая погода в Российской школе потому, что администрация тут “проходила” человековедение. Здесь любят, уважают и понимают педагога.

гическое величие выражается в добре, тепле, сердечности учителя, а не в блеске его неповторимости. Таких сердечных людей в стране пока достаточно, еще не всех переориентировали на новые ценности. Единственное, что требуется — чуть-чуть помочь человеку, создать условия, в которых он себя проявит. Первый закон, реализованный для этого в Российской школе, звучит так: люди становятся такими, каково их окружение; человека делает среда, тот воздух, которым он дышит.

Поэтому все службы Российской школы сфокусированы на защите “окружающей среды”. Со взрослыми, как и с детьми, работают здесь экологически чистыми методами. Открытие, сделанное местным “Гринписом”, звучит очевидно, но по причине редкой реализуемости тянет на “премию мира”.

Внимание, открытие: учитель тоже человек! Любить его, заботиться о нем следует не меньше, чем об ученике. Или еще точнее: ученик будет чувствовать себя в школе так, как ощущает себя здесь учитель. От этой логики администрация и пошла, четко вычлняя болевые точки педагогического життя-бытья, и пытаясь один за другим развязать многочисленные гордые узлы, которые крепко затянула жизнь.

Первый — “затюканность” педагога: обстоятельствами, детьми, администрацией, коллегами и т.д. Это и уроки, за которые перед учителем промелькнет несколько сотен лиц; перемены, которые тоже его забота; изнуряющие директорские проверки и городские контрольные, а также дневники, тетради — за что только не спрашивают с педагога. У которого еще должны остаться силы любить детей. Помилуйте, да откуда же?

В Российской школе урок “вынимает” учителя меньше уже потому, что классы здесь меньше традиционных. Перемены — обычные и часовые, которыми разделен долгий день в этой школе, — не только для детей, но и для их педагогов тоже. Отдохни, учитель, приди в себя! В обычной школе, как от станка, от детей не отойти. В Российской у тебя другой режим. В это время с ребятами их социальный педагог. (Об этой палочке-выручалочке в решении многих проблем разговор отдельный.)

Иной здесь и инспекторский режим: на задней парте с тетрадью для записи замечаний никто никогда не сидит: подобные “ревизии” в этой школе отменены. Периодически объявляется месячник открытых дверей, когда все желающие могут ходить друг к другу учиться. Открытые уроки устраивают для обмена опытом, а не для того, чтобы замерять учительские ошибки. Их и так, как шило в мешке, не утаишь. Они видны в итоговых контрольных, на экзаменах, по результатам предметных олимпиад и конкурсов. Но главные педагогические ошибки — дети. И поскольку они являются главным критерием Российской школы, все тайное скоро становится явным. Без изнуряющего инспектирования обходятся и потому, что люди тут работают на самоконтроле. Они все исповедуют одну веру: когда работает такой движок, халтуры не бывает.

Но хорошая погода в Российской школе не только поэтому. Потому еще, что администрация тут “проходила” человековедение. Здесь любят, уважают и понимают педагога.

Единственный критерий — в оценке коллег: нужен ли этот человек школе? Все остальное к этому измерению прилагается. Администрация тут крайне

чувствительная на людей. Видит, кто упал духом. Руководители подразделений такое по интонации почувствуют, по выражению глаз учителя, по изгибу плеч, и найдут для участия время, слова, аргументы.

В этом доме все любимы, все важны и все вровень. Нет в школе человека, который чувствовал бы себя здесь недолюбленным и лишним. Дирижер этого большого сводного педагогического “ хора ” — Гусева. Есть нынче такие умные, деловые женщины, у которых дом в ладу и домашние в миру, они знают всех ближних как свои пять пальцев, понимают, кого по головке погладить, где чьим слабостям потрафить. Не забудет — кому лишний рубль важнее, а кому громкая слава.

Какие только вопросы не считает она своими, о чем еще не болит голова плюс к обычным директорским хлопотам. Одна учительница, как за каменной стеной, у нее муж и крепкая понимающая семья; у другой от семьи одни нервы; а у третьей — единственная каменная стена и “ муж ”, и тыл — Татьяна Адимирикановна Гусева. Это не хорошо и не плохо, это данность, из которой многое вытекает. Учительницы такие ранимые, они столько отдают детям, что сами нуждаются в пополнении духа и сил, а также в некоем личном возвышении.

Гусева — мастер “ возвышения ”. Тут у нее свои секреты и секретки, которые, как тайна фирмы, разглашению не подлежат. Распространению подлежат другие найденные здесь способы уважительного контакта взрослых людей друг с другом. Если дети не знают в учебном центре назидания, взрослым оно не знакомо тем более, многое можно сказать молча. В Российской школе и учителей учат ненавязчиво. Объявляется тут, допустим, собственный “ Оскар ”.

Местный “ Оскар ” непубличен и тих, он для внутреннего пользования. Педагогов оценивают по разным номинациям: самый добрый, самый современный, самый контактный и прочие “ самые-самые ”. Жюри объективнейшее — ученики. Буквально каждый может высказать свое мнение. Рейтинги по итогам не выстраиваются, призы не вручаются. Более того, если педагог не хочет знать, есть ли его имя среди самых-самых, он может проигнорировать

данную неофициальную церемонию. Администрации такой срез необходим не для того, чтобы руками детей сводить счета, а чтобы определить закономерности.

Еще для успеха педагогической команды нужно достойно, профессионально и ненудно учить людей, желающих работать. На такую учебу в Российской школе сил и времени не жалеют: то ведущих специалистов к себе пригласят, то отправят мощный “ педесант ” к достойным того коллегам. Дома, то есть в школе, учат людей также с умом. Педсоветы проводятся только итоговые, когда надо подвести черту и заглянуть вперед. Тут предпочитают педконсилиумы, которые решают локальные педагогически задачи. Педконсилиумы могут быть посвящены одной узловой проблеме, конкретному классу или группе (необязательно группе риска).

Еще одно слагаемое успеха Российской школы — умение руководителей дать людям цель, обозначить горизонт, чтоб было куда стремиться. Цели нужны не только коллективные, но и индивидуальные. Несколько лет назад, например, в Российской школе началась большая рокировка; состоялся практически полный обмен руководителей подразделений. Всем казалось: люди подобраны оптимально и вдруг полная перетасовка — зачем? Затем, что движение сообщает энергию, придает стимул, рождает у человека новые силы.

В общем, жизнь как жизнь, нормальный быт со своими заботами. Как во всяком коллективе, тут не обходятся без ссор, случаются слезы, изредка появляются заявления об уходе. Но “ для сегодняшней жизни и для женского коллектива у нас очень приличные отношения ” — таково единодушное мнение педагогов.

Здоровым детям это нужно не меньше, чем больным...

Западное общество привыкло к инвалидам. Наше лишь только с ними знакомится. И, как любой урок, этот лучше всего усваивается с малолетства. В Российской школе уже вычислили закономерность: если совместное обучение больных и здо-

ровых начинается с первого класса, не возникает проблем агрессии, неприятия, отчужденности одних от других.

Тут не надо мудрствовать почему. Малыш изначально добр и менее агрессивен, чем подросток. “Не упустить доброго возраста!” — это педагогическое “дважды два” в Российской школе услышали. Из 80 больных ДЦП ребят города Королева здесь учится половина. Много это или мало — 42 ребенка с ДЦП на полтысячи учащихся Российской школы?

Ребята, не похожие на других, подростки с иным выражением лица, не умеющие дать сдачи, прежние изгои в обществе — в Российской школе понемногу оттаивают.

Немало, потому что кроме этой страшной болезни есть, к сожалению, много других. Таких детей тоже учат в Российской школе.

Но главная специализация Российской школы все-таки ДЦП. Если у пораженного этим недугом ребенка нет нарушений интеллекта и живет он в городе Королеве, он — ученик Российской школы. Обучение зависит от степени поражения организма: есть дети, которые учатся вровень с другими; есть те, кто не успевает (для них проводятся дополнительные уроки); если ребенок и в этом случае не справляется, у него появляются дополнительные педагоги. Домашнее обучение организовано для самых тяжелых больных — таких в Российской школе 9 человек. Сценарий образования выстраивается из медицинских показаний и корректируется реальностью. Для каждого из таких детей создается “режимная карта”, где в подробностях обозначено все, имеющее к нему отношение: перечень предметов для совместного и индивидуального обучения, все лечебные занятия и процедуры.

В Российской школе многое предназначено только для этих детей — индивидуальный учитель, индивидуальное расписание, индивидуальный темп. Но чаще они все-таки вместе с другими — равноправные учащиеся Российской школы. И смысл на-

чатого здесь эксперимента именно в этом: сказать и доказать всем, что больные дети такие же дети, как и все остальные.

Найти идею совместного обучения, собрать больных детей со всего города и приступить к работе — само по себе много, но еще не все. Далее начинаются правовые, экономические, педагогические нестыковки, на преодоление которых уходят силы. Сверхусилиями педагогического коллектива ведомственные частокобы удалось снять. Что касается педагогического обеспечения эксперимента, за него взялись всем школьным миром. Начали с простейшего: собрали больных ребят в одном классе, потом вышли на систему индивидуальных занятий, распределив ребят по всем классам.

Информацию по проблеме искали где могли. Психолог Елена Юрьевна Соколикосова — свой человек на психфаке МГУ, она посещает все семинары в институте усовершенствования врачей, где могут сказать что-либо по интересующей проблеме. Дефектолог Наталья Николаевна Крутилина, как пчелка, собирает по всем медицинским интернатам области крупинки опыта, ищет “изюминки”, примеряет на собственную школу.

Ребята, не похожие на других, подростки с иным выражением лица, не умеющие дать сдачи, прежние изгои в обществе — в Российской школе понемногу оттаивают. Они не знают, что тут проводятся методобъединения, определяющие для них нормы оценок и динамику утомляемости, не в курсе споров, которые идут при разработке игр, помогающих больным детям легче усвоить материал, но результаты они чувствуют на себе. Эти ученики в курсе многих школьных сюжетов. Недавно, например, случилась драка, что вообще невероятно в этой школе. И больше того, директор не только не поддержала обиженного, но сказала: “Тебе не место в нашей школе”. Не место, потому что ударил больного мальчика, а ребятам, которые за него заступились, спасибо!

Дети, больные ДЦП, тут не инородное тело. Они среди своих. Их пропускают первыми в автобус, на узкой лестнице уступят дорогу, а если необходи-

мо, помогут донести ранец. Вместе со всеми они едут в общий лагерь, выступают в одном концерте, участвуют в спортивных соревнованиях.

Контактам с больными детьми здесь учат не только ребят. Педагоги в своих институтах, как известно, обучались работе с обычными детьми. Потому добирать знания приходится прямо на месте. Для всех педагогов школы разработан и начал читаться специальный курс. Медики, психологи, дефектологи рассказывают о методиках работы с детьми и обо всем, что известно по поводу этой болезни. Но главная наука все-таки — прикладная, обучение технологиям, конкретные рекомендации для каждого конкретного случая.

Здесь уже прописаны самые болевые точки этого контингента, наработаны методики. Явных успехов добилась школа, используя довольно редкое лекарство при лечении этой болезни, — художественное творчество. Реабилитационно-художественный центр, уроки которого в Российской школе обязательны для всех, для этих ребят дважды уроки. Кроме чисто лечебных процедур и занятий, дети лечатся искусством. Лечатся напрямую: резьба по дереву, лепка и другие предметы художественного цикла — это и развитие моторики, и разработка руки, и еще многое другое, что больным детям нужно по медицинским показаниям. Но еще более необходимо психологически. Искусство стоит рядом с психологией и то и другое имеет отношение к душе. Театральная эстетика, музыка, рисование для больных, как и для здоровых, детей — это возможность “выплеснуться” в образе, в слове. Само участие в столь невероятном прежде для них деле означает: они как все, они многое могут, им стало интереснее жить. Много ли семей, которые находят возможность не только лечить детей, но и возить их по профессиональным студиям и кружкам? А кроме того, какое-то из этих дел может стать профессией на всю жизнь.

Еще одна выразительная примета Российской школы: здесь работает немало женщин, для кого данная беда особенно остра, матери больных детей. Они сменили профессию и место работы не просто потому, что здесь можно быть со своими детьми, а от-

того что отсюда они черпают дополнительные силы жить. Откуда эти женщины, поистине героини, вообще находят мужество улыбаться, работать — разговор отдельный. Наш разговор о том, что в школе такие матери помогают жить другим — педагогам, коллегам, участвуя в образовании их души. Когда мама, привезшая на коляске своего взрослого ребенка, мягко, с улыбкой приходит на занятие — тут урок всем, кто даже краешком глаза видит это. Именно такие штрихи помогают ближним становиться мудрее, сострадательней и понятливей. Здесь лишнее подтверждение многогранности бытия. Это просьба, рекомендация, требование, подсказка, как относиться к их детям. И не только к их детям.

Слаб человек и педагог тоже слаб, куда легче видеть рядом счастливое детство и прочие знаки благополучного бытия, чем каждодневную беду, помочь которой не в силах. Но и тысяче родителей и 146 педагогам учебного центра дается шанс: стать лучше или не стать? И как многие из шансов, предлагаемых школой, этот чаще востребован.

В расписании — творчество

Десять лет назад Российская школа громко заявила: все дети талантливы! Ребенок не поет — так танцует, не танцует — так рисует, не рисует — так играет — хоть в театре, хоть в оркестре. Где-нибудь он обязательно “пересечется” с творчеством, главное — не опоздать познакомить ученика с его даром.

Все ученики Российской школы оказались действительно талантливы, что подтверждает педагогическую аксиому: достучаться можно до каждого. Правда, с разной силой надо стучаться, чем, собственно, реабилитационно-художественный центр Российской школы настойчиво и занимается. Обратим внимание для начала на само наименование центра. На первый взгляд, компоненты не очень стыкуются: реабилитация больных ребят и художественное воспитание здоровых? “Нет, — объясняют работники центра. — Художественное воспитание нужно и больным детям, а реабилитация в том числе, здоровым. Реабилитация творчеством”.

Потому искусство тут — неперенный компонент образования для каждого ученика в течение всех лет обучения. В старших классах — предметы по выбору, а с первого по седьмой — ребенок должен пройти свой “минимум”, попробовать все имеющиеся в арсенале школы предметы художественного цикла. Арсенал солидный — целых четыре отделения: изобразительное и декоративно-прикладное искусство; музыкальное; театральное и танцевальное. Внутри еще десяток градаций от росписи по дереву до струнного оркестра, от литературной студии до академического хора.

Уроки искусства стали обязательной частью учебного плана. То есть хор в Российской школе так же важен, как математика. По этому поводу и теперь не утихают споры: одно дело, история и экономика, а другое — сольфеджио и театральная эстетика. “Мне не нужно ваше сольфеджио”, — говорит крутой мальчик Миша. “Мы отдали ребенка учиться в школу, а не в оркестр народных инструментов”, — заявляют родители. Особенно трудно бывает, когда приходят новички из других школ, они подобного прежде не знали и пересматривать привычное не хотят.

Но придется. “Если не нравится сольфеджио, говори что тебе нравится. Мы посчитаемся с твоим вкусом”, — отвечают педагоги. “Ты знал, куда поступаешь, художественное творчество — один из трех китов, на которых стоит наша школа. На двух — это будет другая школа”. Отшучиваются, убеждают, ищут компромиссы, но от намеченного не отступают. Без художественного творчества нет полноценного образования, а именно на него сориентирована Российская школа.

Чего хотят эти педагоги, пожелавшие себе сложной жизни? Ничего чрезмерного. Хотят, чтобы завтрашним отцам и матерям было о чем разговаривать со своими детьми. Чтобы поход в театр или на концерт (не обязательно эстрадный) стал для человека нормой. Чтобы любой мог и захотел сложить четверостишие, помузицировать, взять в руки карандаш. Чтобы в компании дети умели напеть мелодию и станцевать, чтобы при разговоре об искусстве не просто молчали или агрессивно сопротивлялись

незнаемому. То есть в Российской школе стремятся, чтобы люди культурой **пользовались**, чтобы пусть в разной мере, но все от нее что-то для себя получили.

Надо заметить, что именно эта установка на прикладное творчество, в конечном итоге, срывает. Родители и ученики перестают сопротивляться “обязаловке”, а это уже полдела.

И еще в этой школе хотят, чтобы российские дети знали больше, чем истории дракул, черепашек и прочих гостей с телеэкрана, без зова явившихся в наши дома. Этих гостей так много, что сопротивление кажется бессмысленным. В Российской школе

У понятия “культура” одно из многих толкований: возделывание. Душу тоже надо “возделывать”.

сопротивляются. Работают, исходя из немудреной истины: что посеешь — то и пожнешь. У понятия “культура” одно из многих толкований: возделывание. Душу тоже надо “возделывать”. “В культуре, — говорит руководитель реабилитационно-художественного центра Людмила Васильевна Любезнова, — демократия невозможна. Демократия — это потом, а сначала диктатура. Человека сначала надо обязать, а потом дать ему выбор”.

Первой задачей художественного воспитания психологи называют компенсаторную функцию. Далеко не всем ученикам общеобразовательная школа заготовила хорошие роли. Там достаточно аутсайдеров, изгоев, а чаще тихих, серых, незаметных мышек. Самому ребенку эта роль явно не по душе. Вот и ищет он, где может, компенсаций, в том числе весьма сомнительного толка. Так предложим же ему иные способы реабилитации! Не дается математика? Зато как прекрасно мальчик рисует! У девочки проблемы с химией? Зато в танцевальном кружке на нее не нарадуются.

Еще художественное творчество пополняет запас внутренних сил ребенка. Силенки эти нынче невелики, слишком много стрессов преподносит нынешняя жизнь. А что дает эмоций больше, чем искусство?

И еще штрих к ответу на вопрос: зачем столько художественного воспитания в обычной школе? Недавно одна мама принесла письмо сына из армии: “Кто умеет рисовать?” — спросил офицер солдат. Я ответил, что я. Кто умеет вырезать? Опять я. Кто знает стенографию? И снова я. В общем, теперь я в штабе, мама. И за все это спасибо Российской школе”.

Спасибо ей и за то, что ребята отсюда выходят дружные. Чувство локтя у ребят довольно сложно пробудить ни с сего ни с того; ученики не могут “болеть” друг за друга лишь потому, что оказались в одном классе. Другое дело, если они всем классом — оркестр: его слаженность, успех зависят от каждого из них в равной мере.

Есть, конечно, у подобной организации обучения отдельные проблемы, но они тоже снимаемы. Например, несовпадение художественного профиля класса с желанием ребенка. Разве не случается, что интересы и способности ученика в другом оркестре, то есть классе? Конечно, бывает. Переходы из класса в класс возможны.

Или была еще проблема: оркестр духовой музыки испокон века дело мужское, а в классе есть не только мальчики. Сегодня девочки играют в этом оркестре на альтях. Играют успешно и с удовольствием. А для духового оркестра девичье присутствие — это еще и новая краска, которая популярности оркестру только добавляет.

В планах школы — создание целевого хореографического класса. Но настоящий хореографический класс предполагает настоящие балетные станки, для которых нужны брусья, а их нигде нет. Творчество переплетается с брусьями и не только с ними. С инструментами, кистями, красками, костюмами и прочим неклассическим учебным реквизитом тоже проблемы. Но уже не раз сказано: кто работать не хочет — ищет причину, кто хочет — возможность. В Российской школе ищет последнее. В опустевшем городском доме культуры мертвым грузом лежат трубы и домры, которые вряд ли кому-то нужней, чем этим детям. Доказать такое вполне возможно, потому что трубы, балалайки, кларнеты имеют свойство звучать. Они в городе слышны и

на эти звуки многие охотно откликаются. Недавно Российская школа сама пошла на щедрую трату — осилила приобретение коробки барабанов. Деньги добирала у попечителей. “К этим барабанам нужны ноги”, — пошутил кто-то сомневающийся. “Ноги — единственное, что у нас есть, а барабанов нет”, — вполне серьезно ответила Л. В. Любезнова. Нашли деньги и появился в Королеве свой оркестр барабанищ.

Теперь нередко город видит стройных девятиклассниц с барабанами в красивых костюмах и с киверами. Такая команда — украшение и настроение любого торжества. И конечно, еще одна визитная карточка Российской школы: “У нас не только певцы, актеры, оркестранты. У нас еще и красавицы!..”

Дополнение общего стандарта творчеством здесь весьма увесисто и нетрадиционно. Можно вспомнить и еще об одном обязательном предмете в расписании учебного центра — фитодизайне. Бывает цветок, бывает букет: вот, пожалуй, и все, что знает обычный ребенок о цветах; и еще — чем больше цветов в вазе, тем лучше. Эти ребята так не скажут. Они со знанием дела ответят, что есть европейская школа аранжировки, есть восточная и что пышная русская цветочная культура (с поправкой на время и Красную книгу) может быть несколько скорректирована. Из пяти васильков, семи ромашек и трех колосьев пшеницы может сложиться настоящая красота. Учителя фитодизайна и дети ездят на выставки, читают книги, из которых много берут для себя полезного. Вместе они решили: не поубудет национальной гордости, если в пятый день мая российские дети, как делают это японские, запустят шарики с семенами цветов. Шарик будет лопаться в небе, семена упадут в землю и родятся цветы. Неважно, что на твоём дворе, важно, что на твоей земле.

Зачем в школе появились социальные педагоги?

Споры о названии этой штатной единицы в Российской школе до сих пор периодически вспыхивают: уж больно функциональное имя! В стилистике этого учебного заведения органичнее прозвучало бы что-нибудь душевное, типа “социальная мама”,

на худой конец — если уж совсем припасть к национальным истокам — “классная дама”.

Но вся эта лирика не для бухгалтерии. Лирику под тарификацию не подведешь: не то что без будущей пенсии, но и без сегодняшней зарплаты человека можно оставить. Потому из самых прагматических соображений остановились на спокойном и

Социальный педагог в Российской школе — это воспитатель, приставленный к каждому классу. У этого человека нет других обязанностей, кроме общения с ребенком.

понятном названии. Да и народная мудрость, в том числе на этот счет, утверждает: хоть горшком назови, только в печь не ставь.

Кто же он — социальный педагог в Российской школе? Это воспитатель, приставленный к каждому классу, у которого нет других обязанностей, кроме общения с ребенком, помощи ему в решении многочисленных проблем, которые возникают у школьников, плюс к учебе. Кроме того, социальный педагог это “контактер” с администрацией, педагогами и обществом — взрослый, устанавливающий эти контакты от имени детей и для детей.

Администрация, закладывающая в фундамент будущей школы этот педагогический компонент, исходила из нормального практического соображения: высшая форма взаимоотношений с детьми — внимание. Может ли школьник рассчитывать на участие в его судьбе предметника, который не всегда учеников по фамилии знает, или загруженного уроками и тетрадками классного руководителя? Не может. А нуждается ли он в таком внимании? Безусловно.

Осознав необходимость присутствия в школе таких людей, надо было найти их. Помогла это сделать сама судьба. Десять лет назад одно за одним закрывались предприятия, и люди оказывались не у дел. Да какие люди! Наукоемкий город Королев провожал в никуда цвет собственной интеллигенции — конструкторов, инженеров, технологов.

Мало что открывалось в те годы в их городе. Кроме торговых палаток да Российской школы, пожалуй, ничего. Так что особого выбора не было. Половина социальных педагогов в учебном центре — эти самые люди. Отсутствие у них педагогического диплома не смущало руководителя Российской школы. Вся нехитрая мораль, на которой предполагалось построить дальнейшие взаимоотношения новообращенного педагога и его питомцев, формулировалась так: для начала взрослый должен быть просто интересным человеком, личностью, чтобы было интересно жить ему самому и тем, кто с ним рядом. Главной служебной обязанностью этих педагогов было единственное — любить детей, все остальное к этому прикладывалось.

Функциональные обязанности казались расплывчатыми и неконкретными. Поэтому, когда требовались дальнейшие уточнения, генеральный директор спрашивала: “Помните, как вы работали с собственными детьми? Ведите себя точно так же: искренне, логично и просто”.

Каждый из социальных педагогов завоевывает класс чем может. Один организовал вместе с ребятами кукольный театр, другой изобретает, третий играет на гитаре. Еще одна “социальная мама”, когда ничего не клеилось, просто собрала весь класс и пригласила к себе на блины. Не привыкшие к подобным отношениям с педагогом, дети откликаются, идут навстречу. Завязывается первый узелок, а от него и все остальные “узоры” плетутся легче.

Но одной любовью сыт не будешь. Дети — народ слишком сложный, чтобы с ними все было гладко и солнечно. Потому социальные педагоги — главные собеседники школьных психологов. Совместно вырабатывают тактику поведения со всеми и конкретно с каждым, вплоть до перевода ученика в другой класс, если все ходы и выходы перепробовали, а контакта с учителем так и не сложилось. А поскольку кроме психологии существует физиология, Российская школа приглашает профессора из МОПИ, который читает для учителей увлекательный курс о возрастных особенностях школьников. Затем социальные педагоги решают конкретные

прикладные задачи, вытекающие из всех этих теорий, на собственных семинарах. Естественно, год от года знаний и опыта прибавляется.

Проблемы возникают регулярно. Но что приятно, в Российской школе вышли на более высокий их уровень. Сегодня рассматривается вопрос: не целесообразнее ли социальному педагогу работать не просто с определенным возрастом, а переходить вместе с ребятами из гимназии в предлицей, а оттуда в лицей. Сегодня, переходя из средней в старшую школу, ученики расстаются со своими “мамами” как бы печально это ни было.

Насчет 9 “А” в Российской школе мнение ребят и взрослых единодушно: они самые-самые, добрые, дружные, открытые. И всем известно, что первейшая благодарность за это Татьяне Матвеевне Лимберской. Она с ними, тогда пятиклассниками, начинала этот класс.

Первому имениннику Татьяна Матвеевна подарила открыточку и необычные цветочные семена со своего участка. Подарок был не случаен: педагог знала о его любви к грядкам. Цветок распустился самым первым и уже в мае юный натуралист принес Лимберской свой цветущий подарок. Это в 5 “А” стало традицией — дарить другу другу радость.

Это касалось не только детей. Под Новый год Татьяна Матвеевна отложила многие свои дела в пользу восемнадцати важных телефонных звонков. Это были звонки родителям. Ей захотелось сказать доброе слово об их замечательных детях — не всегда таковых на деле, но чаще действительно замечательных, потому что свои дети другими не бывают. Довольные родители тогда долго извинялись перед “социальной мамой”: мол, они должны были поздравить и поблагодарить ее первыми.

То были четыре долгих года поиска понимания, дети должны были понимать ее, а она их. Лимберская старательно искала у каждого ту главную струнку, которая поможет ей вместе с самим ребенком сложить добрую мелодию его жизни.

Когда совместное их время в предлицее заканчивалось, она мучительно выбирала — уходить с ребятами в лицей или нет. Но в своих и в их интересах поняла — делать этого не надо. У девятиклассников социальным пе-

дагогом должен быть уже предметник, человек, связанный с ними не только чувством.

И наступило мучительное прощание. Оно было долгим. Сначала прощались на летних сборах, которыми непременно заканчивается учебный год в Российской школе.

Но оказалось не все. Когда через пару утр Татьяна Матвеевна пришла в школу на педсовет, ее класс, в котором она хотела уже одна немного погрустить, оказался закрытым. Она взяла ключ, открыла дверь и ахнула. В конце мая в ее классе царил новый год: гирлянды из сердец, шарфы, цветы, нарядные дети, накрыт праздничный стол даже с шампанским. И во всю стену плакат: “Татьяна Матвеевна, мы не хотим с Вами расставаться!”

Подобную “историю любви” можно рассказать о каждом из воспитателей. 26 “классных мам” и 1 классный папа Российской школы — это 27 интересных и разнообразных сюжетов о социальных педагогах и о социальной педагогике, которая к педагогике традиционной явно кое-что добавляет..

Адвокаты детства

Еще одна из привлекательных характеристик Российской школы — явная гармония между взрослыми (учителя) и детьми (ученики), а также между взрослыми (учителя) и взрослыми (родители).

Понедельник — день ни для кого из них не тяжелый. Мамы и папы со спокойной душой отпускают лучшее что у них есть — детей в их собственную жизнь, в Российскую школу. Сами же приходят в нее не по вызову, а по собственному желанию. Более того, порой являют чудеса бескорыстия: одна из семей подарила на Новый год школе единственную голубую ель, которую много лет растила на собственном участке.

Школа — дом, дом — часть школы: в этом одна из изначальных установок учебного центра. Когда Российская школа подписывает при поступлении сюда ученика контракт с родителями, она делает это не только из-за юридической недееспособности несовершеннолетнего чада, но еще и потому, что семья ученика становится неотъемлемой составной частью образовательного и воспитательного процессов.

Многочисленных мам и пап города Королева привлекает в Российской школе, кроме доброй ее репутации, решение серии проблем чисто бытового свойства. Мало кому нравится собственный ребенок с ключом на шее, не все любят “продленку”. Куда привлекательнее полупансион, когда в 8 утра твоего ребенка отвозят учиться, а в 5 вечера в целости и сохранности возвращают с доставкой на дом. При этом мамы и папы знают, что целый день с перерывами на отдых, с хорошим завтраком и обедом ребенок будет, что называется, в хороших руках. Можно понять и вторую привлекательную очевидность учебного центра: родители, заинтересованные в полноценном воспитании детей, освобождаются от изнурительного бега по кружкам, музыкальным и прочим студиям. Мамы и папы не только свободны физически, но и материально: за художественное образование ребенка в других местах им пришлось бы платить куда дороже.

Но все бытовое, при крайней его важности, все-таки половина дела. Главное, что в Российской школе детей не только учат и опекают, но и, как мы уже не раз подчеркнули, — любят. И мамы с папами не могут не быть за такое благодарны школе. Благодарны они также за то, что тут заботятся не только о детях, но и об их родителях тоже. В школе им никогда не сделают больно, не посядут на доброе слово. При встрече начинают не с жалобы на сына или дочь, даже если есть для этого повод, а с разговора о том хорошем, что имеется у ребенка. При таком старте самый сложный разговор предполагает благоприятный финал.

Родителей здесь непременно позовут в советники при решении большинства школьных задач, поэтому многое из сделанного им не чужое, в разной мере в школьных делах участвовало большинство семей. Это, повторим, установка — все вместе они семья: педагоги, родители, дети.

Эта школа — школа и для родителей. Познакомить их со своими детьми, помочь увидеть в них то, что в семейных буднях не разглядеть — одна из задач учебного центра. И еще представить взгляд на ситуацию с другой стороны, сказать педагогически грамотное слово от имени детей. Российская школа

пытается научить мам и пап грамотным технологиям родительства.

“Со своими детьми вы проживете еще одно счастливое десятилетие”, — говорит директор Гусева на первом родительском собрании. В учебном центре сделают все, чтобы именно так оно и было, чтобы жизнь, идущая в Российской школе, касалась не только младших. Осознанное родительство — это тот берег, к которому надо стремиться. В качестве лоц-

При встрече начинают не с жалобы на сына или дочь, даже если есть для этого повод, а с разговора о том хорошем, что имеется у ребенка.

мана школа предлагает себя. Педагогам есть что сказать своим взрослым ученикам. “Как нам живется с ребенком, мы знаем. А как ребенку живется с нами?” — одна из главных тем ведущихся здесь диалогов. Многих родителей удивляют такие вопросы, тот угол зрения, о котором они никогда не задумывались. К родительским собраниям, к заседаниям родительского клуба тут выпускаются специальные газеты. “Если откровенно” — под этим или подобным названием вниманию мам и пап, бабушек и дедушек предлагаются детские откровения.

Когда-то ребята писали возле таких откровений: “Очень прошу не показывать мою страницу родителям для опознания” или выводили, на всякий случай, текст печатными буквами. Вскоре дети поняли, что просить об этом не надо, есть вещи, которые в Российской школе сами собой разумеются. Однажды анкеты не удалось перепечатать, и директор предлиция перед собранием переписала все тексты от руки. Да оно и не важно, кто именно что написал. Важно знать, какие проблемы в принципе возможны и что тревожит детей.

Формы контактов разнообразны. В Российской школе родители вместе с детьми собираются на семейные вечера, музицируют, читают стихи, разговаривают — познакомиться друг с другом никогда не лишнее. Встречаются взрослые и без детей, но, разумеется, ради них. “Родительский клуб” весьма популярное в Российской школе объединение. Приходят

на клубные вечера только желающие, которых от встречи к встрече становится больше.

Главная цель педагогов: понять запрос родителей к клубу, выйти на темы, которые их по правде волнуют.

Итак, родители просят совета. Советы должны быть профессиональными, а действие эффективным, чтобы “Родительский клуб” стал тем местом, куда стремишься. К делу подключились психологи. Психологическая служба весьма сильное подразделение Российской школы: в лицее, предлицее, гимназии есть свой психолог, и работа с родителями стала составной частью его деятельности.

“Любые семейные проблемы начинаются с личных проблем каждого члена семьи. Всем обычно кажется, что виноваты другие. Давайте попробуем взглянуть на конфликтную ситуацию иначе, попытаемся понять, что во мне самом мешает миру в моей семье”, — такой ракурс разговора предлагает психолог родителям, приходя на помощь каждой семье, желающей разобраться со своими проблемами.

Родителям предлагается серия тестов и упражнений, красноречивые диаграммы, оценка ситуаций глазами друг друга. Занятия проводятся в форме игры, а потому нисколько не утомительны и совсем не обидны: ключ к расшифровке тестов психолог дает родителям, каждый ставит себе диагноз сам.

Не все обязательно говорить вслух и спрашивать прямо. Психолог предлагает детям нарисовать свою семью: кто-то изображает маму без лица, а это уже кое-что значит. Или дает задание написать сочинение на тему “Как я буду воспитывать собственного ребенка”. Или просит создать герб собственной семьи: по составным частям каждого герба также можно судить о многом. Фрагменты сочинений, эскизы гербов потом обсуждают с родителями — узнайте свой. А каким бы вы сами хотели видеть герб своего дома?

Справа и слева, чуть не по-пластунски подбигаются педагоги к людям, от которых зависит покой

на душе ученика. От школы не зависит, сделают ли слушатели полученную информацию руководством к действию, но все, чем школа может помочь семье, она сделает.

Родительские собрания от традиционных отличаются здесь тем, что эти встречи не отчет о проделанной работе, а двусторонний ее анализ. Собрания проводятся по узловым вопросам. К примеру, проблемы пятиклассников.

“Не проси груши у тополя” — тема очередного разговора с родителями о притязаниях и возможностях, об амбициях и реальности. Наименования родительских собраний, кстати, всегда делают привлекательными, чтобы все сказанное лучше запомнилось. “Преступление и наказание” здесь свое, своя крайне большая тема. На этом собрании речь идет о том, что родители делают ошибку, реагируя только на плохие поступки своих детей, а хорошие воспринимают как само собой разумеющееся. “Попробуйте наоборот, — подсказывают педагоги или напоминают о существовании не раз доказавшего свою успешность приема “лавры в кредит”: отметьте в ребенке те качества, которые хотите в нем развить”.

В школе считаются с тем, что родители не принимают поражения своих детей. Здесь не станут ломать даже не нравящиеся школе домашние устои, павликов морозовых в Российской школе не воспитывают. Но от главного Гусева и ее команда не отступятся: если вы пришли в нашу школу, принимайте ее религию! У школы и семьи, зовущих ребенка совсем в разные стороны, всегда есть в запасе выход — спокойно разойтись, такое пару раз случалось.

Капля камень точит. Все эти долгие 10 лет, не уставая, изобретая все новые формы общения с родителями, трудятся эти адвокаты детства, работающие на то, чтобы родительскую любовь сделать более умной.